

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/92/9

Посмертная трансформация личности в интерпретации мастеров фэнтези

Елена Николаевна Ковтун¹

¹ *Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, kovelena@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются изображенные российскими и зарубежными писателями-фантастами XX–XXI вв. варианты посмертного существования человеческой личности (души) в потустороннем пространстве, обозначаемом как Мир Посмертия. Исследуются концепции посмертной трансформации личности – как отрицательной (угасание и распад, возвращение к истокам бытия), так и положительной (цепь реинкарнаций с накоплением нравственного опыта, продолжение духовной эволюции с выходом за пределы человеческого сознания).

Ключевые слова: посмертное существование, Мир Посмертия, трансформация личности после смерти, фэнтези XX–XXI вв.

Для цитирования: Ковтун Е.Н. Посмертная трансформация личности в интерпретации мастеров фэнтези // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 174–189. doi: 10.17223/19986645/92/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/9

The person's postmortem transformation through interpretation of masters of fantasy

Elena N. Kovtun¹

¹ *Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, kovelena@mail.ru*

Abstract. The article highlights the results of the investigation of the Universe of Afterlife as a special locus of the postmortem existence of a human being (soul) from the viewpoint of fantasy worlds' writers. The analysis involves fantasy works by Russian, European and US writers, created in the 20th and 21st centuries, and corresponding to three criteria: the Universe of Afterlife is depicted in them as a locus, marked by geographical, landscape, ethnic, social, moral and other characteristics; the given locus is identified as the postmortem world both by a writer and a reader; the postmortem world description plays the principal (or significant) role in the plotline development and serves as a means of the author's intention and idea interpretation. The given work aims at defining the functions of the artistic image of the Universe of Afterlife, related to the authors' conceptions of the purport of postmortem existence. The article introduces a wide range of such conceptions, structured according to: (1) the postmortem

existence duration ("finite" and "infinite" afterlife; (2) the presence or absence of personages' inner evolution and the mainstream trend of this evolution. "Finiteness" of afterlife implies both the completion of a person's existence in it and the time interval of the Universe of Afterlife existence. The former comprises the cases of getting to the postmortem world of not yet dead personages as a result of some error or mishap, after a suicide attempt, or in the state of sleep, coma, etc.; literary personages' travelling to the Universe of Afterlife of with a view of getting back the souls of dear people; as well as the hypotheses of reincarnation (or multiple reincarnations) of human souls, when the afterlife becomes a short timespan among earthly lives (Jarosław Grzędowicz's *Wilcza zamieć*, 2005; Robert Young's *On the River*, 1965; Anna Starobinets' *Asylum 3/9*, 2006; Stephen King's *Afterlife*, 2013). The personages' postmortem existence in them, as a rule, is predetermined by the need of getting a proper moral lesson, resulting in the personages' partial or full changes in their successive earthly lives. The "finiteness" of the Universe of Afterlife, in its turn, may be caused by its peculiar "intermediate" nature as the Zone of Transition, from which a personage can choose his way out either "back" – to the earthly life, or "forward" – into "the terminal death" (Graham Joyce's *The Silent Land*, 2010); or it may be influenced by the consequences of some mishap, which led to the "optional" afterlife emergence (Ursula Le Guin's *Earthsea*, 1964–2001). In postmortem eternity, the inner evolutionary trend of personages may be characterized as negative – anomie, moral degeneration (Hermann Kasack's *Die Stadt hinter dem Strom*, 1947), or as positive. The latter (Clive Lewis' *The Great Divorce*, 1945; Richard Matheson's *What Dreams May Come*, 1978) presupposes that the afterlife alongside the earthly life becomes an essential stage of the common path of spiritual growth leading to the reunion with God.

Keywords: postmortem existence, Universe of Afterlife, person's postmortem transformation, 20th/21st century fantasy

For citation: Kovtun, E.N. (2024) The person's postmortem transformation through interpretation of masters of fantasy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 174–189. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/9

В XX в. в связи с ускорением темпов научно-технического и социального развития человечества как в области гуманитарного знания, так и в искусстве, в том числе в художественной литературе, усиливается интерес к оценке цивилизационных перспектив, особую актуальность приобретают размышления о будущем. Как правило, раскрытие темы существования в грядущем как социума в целом, так и отдельных составляющих его людей считают прерогативой научной фантастики (НФ) и близких к ней жанров утопии и антиутопии, которые достаточно активно изучаются современным отечественным и зарубежным литературоведением¹.

Между тем родственная данной проблематика не чужда и другой разновидности фантастического повествования – фантастике сверхъестественного, сегодня чаще именуемой фэнтези. У этой «соседки» и ныне успешной «конкурентки» НФ, однако, акценты традиционно смещены в сторону лич-

¹ Обзор научной литературы об утопии и антиутопии см., например, здесь: [1–4]. Об обществе и человеке будущего в НФ см. наши работы: [5–7].

ности, индивидуальной человеческой судьбы. Ее бытие в грядущем традиционно видится как продолжение существования за пределами материальной вселенной, как «жизнь после жизни», пребывание в «ином» мире. Рожденные творческим воображением мастеров фэнтези, эти миры причудливы и разнообразны. Но, несмотря на различия отдельных версий, все они содержат смысловые параллели, в совокупности образуя единое художественное полотно и формируя общее проблемное поле, связанное с раскрытием сущностных вопросов человеческой природы. К сожалению, данная проблематика оказывается в сфере внимания литературоведов существенно реже, нежели утопическая и научно-фантастическая, становясь объектом анализа лишь в некоторых специальных работах¹.

Настоящая публикация призвана отчасти восполнить этот пробел. Она основана на результатах проведенного нами в 2019–2024 гг. исследования Мира Посмертия (МП) как особого пространства, где, по мнению писателей-фантастов, протекает после завершения земной жизни существование человеческой личности или человеческой души. К исследованию, помимо фэнтези, были привлечены и родственные ей жанры, такие как литературная волшебная сказка, фантастическая сатира и другие, содержащие, в соответствии с нашей научной концепцией, «явный вымысел» (элемент необычайного)².

Исследуемые тексты относятся к литературам России, Восточной (русскоязычная фантастическая традиция), Центральной и Юго-Восточной (фантастика зарубежных славянских стран) и Западной Европы, а также Северной Америки (США). Первичная выборка текстов проводилась по информационной базе специализированного интернет-портала «Лаборатория фантастики» [13] на основе тегов «жизнь после смерти» и «загробный мир». Дальнейший отбор осуществлялся по трем критериям. Исследуемые тексты должны были описывать Мир Посмертия как самостоятельный локус, имеющий свои географические, ландшафтные, «этнические» (для человеческих и нечеловеческих его обитателей), социальные, нравственные и т.п. характеристики. Данный локус должен был идентифицироваться как МП и автором и читателем³. Наконец, изображение Мира Посмертия должно было играть заметную роль в сюжете произведения и служить основным (или по крайней мере важным) средством раскрытия авторского замысла.

Всего в сферу анализа вошло более 120 художественных произведений. На основе их сопоставления нами была предложена классификация базовых моделей МП, выделены основные сюжетно-композиционные схемы повест-

¹ См., например: [8–11].

² О нашей концепции фантастики и иных типов художественного вымысла (вторичной художественной условности) см.: [12].

³ Для персонажей данный принцип соблюдается не всегда. Многие тексты о посмертии основаны на том, что их герои не понимают произошедшего с ними и продолжают верить, что не оставили пределов земной жизни.

воваания о Мире Посмертия и обобщена функциональность рассматриваемого художественного образа, т.е. охарактеризован круг вопросов, поставленных и разрешаемых с его помощью писателями-фантастами¹.

В ряду главных функций образа Мира Посмертия особого внимания, на наш взгляд, заслуживает раскрытие с его помощью авторского понимания смысла загробного бытия как неотъемлемой части человеческого существования, выходящего далеко за пределы единственной земной биографии. Несмотря на разнообразие трактовок посмертной судьбы в различных фантастических текстах, авторские концепции «жизни после жизни» могут быть, по нашему мнению, сведены к нескольким основным ее траекториям. Последние различаются, во-первых, продолжительностью («конечное» и «вечное» посмертие) и, во-вторых, направленностью (векторностью) или ненаправленностью (циклической повторяемостью) идущих в рамках посмертного существования духовных процессов. Ниже мы охарактеризуем основные варианты данных траекторий в порядке нарастания длительности и осмысленности посмертного бытия, увеличения масштаба метафизической трансформации личности.

Временное и конечное посмертие

Несмотря на «окончателность» и необратимость смерти в представлениях большинства читателей, в фантастике прошлого и нынешнего веков достаточно широко распространена идея *конечной природы* загробного бытия. Ее привлекательность для авторов повествования о посмертии состоит, на наш взгляд, в возможности *конкретизировать* пребывание на том свете и сделать рассказ о нем как можно более *сюжетным*. Изображение неподвижной посмертной вечности, соотносимое с поверхностно трактуемой догматикой мировых религий (неиссякаемое райское блаженство или нескончаемые адские муки), весьма наскучило и авторам и читателям еще в начале прошлого века, о чем свидетельствует в числе прочих ироническая повесть Марка Твена «Путешествие капитана Стормфилда в рай» (Mark Twain *Captain Stormfield's Visit to Heaven*, 1907).

Напомним, его герой после смерти и ряда приключений в космосе (увлекшись погоней за кометой, он первоначально прибыл в рай, предназначенный не для землян, а для совсем иных существ) все же оказывается на привычных ему христианских «небесах». Здесь он некоторое время увлеченно играет на арфе и распевает гимны. Однако вскоре это занятие приедается ему, и он покидает облачную грядку, тайком избавляясь от надоевшего райского «реквизита» – крыльев и нимба. Во второй половине XX в. схожий сюжет воспроизведен словаком Д. Кужелом в рассказе «Бегство из рая» (Dušan Kužel *Útek z neba*, 1967). На этот раз героем становится космонавт, в момент метеоритной угрозы вспомнивший молитву и оказавшийся среди

¹ Общие результаты исследования см.: [14].

небожителей, от восторженного хора которых он в конце концов бежит обратно на Землю. Оба автора явно разделяют мнение одного из персонажей Марка Твена: «Петь псалмы и махать пальмовыми ветками на протяжении вечности – очень милое занятие, когда его расписывают с церковной кафедрой, но на самом деле более глупого способа тратить драгоценное время не придумаешь» [15].

В концепции конечного посмертия, в свою очередь, может быть вычленена более локальная идея *временной смерти* персонажа с последующим его возвращением к прерванной земной жизни. Подобная *обратимая смерть* может быть обусловлена целым рядом причин и обстоятельств. Мы различаем в их числе *случайное или намеренное попадание живого в Мир Посмертия*, смертный опыт, обретенный в *измененных состояниях сознания* (клиническая смерть, кома, глубокий обморок, видение, вещий сон), а также предоставленный персонажу высшей силой *«второй шанс»* начать после временной смерти жизнь заново, изменив свое поведение и судьбу.

Случайное попадание в Мир Посмертия еще не умерших персонажей описано, например, в повести польского фантаста Я. Гжендовича «Век волков» (Jarosław Grzędowicz *Wilcza zamieć*, 2005). Во время Второй мировой войны экипаж немецкой подводной лодки получает специальное задание: он должен принять на борт представителей оккультного «Общества Туле» и совершить с ними поход на север. Задачей прибывших на субмарину гостей является привлечение скандинавского бога Одина, или Вотана, к войне на стороне гитлеровской Германии. После совершения гостями специальных жертвоприношений подводная лодка получает возможность пройти под Радужным Мостом в мир древних богов. При встрече с Одином гости погибают, а моряки оказываются заложниками обстоятельств. Не будучи мертвыми, они тем не менее не могут уже надолго вернуться в мир живых – и вынуждены долго скитаться между жизнью и смертью.

Временное пребывание в Мире Посмертия в результате незавершенной попытки суицида изображено в рассказах «На реке» американского фантаста Р. Янга (Robert Young *On the River*, 1965) и «Черное пальто» нашей соотечественницы Л. Петрушевской (1995). В первом из них пытающийся отравиться выхлопными газами собственного автомобиля герой в субъективном восприятии проводит несколько дней на плоту, медленно несущем его по водной глади навстречу гигантскому водопаду. Во втором тексте героиня задыхается в петле и одновременно бродит по пустому полуразрушенному городу. Схожим для обоих рассказов оказывается финал: встретив в своих странствиях другого человека, попавшего в столь же трагическую ситуацию, каждый из героев принимает решение вернуться к жизни и спасти товарища по несчастью – а тем самым в конечном итоге спасает и себя самого.

Попадание персонажа в Мир Посмертия во время нахождения в коме описывают сербский драматург Д. Ковачевич в пьесе «Сборный пункт» (Душан Ковачевич *Сабирни центар*, 1982) и россиянка А. Старобинец в романе

«Убежище 3/9» (2006). В первом случае речь идет о судьбе пожилого профессора, перенесшего инфаркт и внезапно оказавшегося в незнакомой местности, залитой голубым светом. Там он встречает своих ранее умерших соседей и друзей, вновь видит давно скончавшуюся супругу. В беседах с героем они вспоминают о не завершенных на земле делах, не нашедших примирения конфликтах, скучают по оставшимся в мире живых близким людям. «Я н к о. А к концу дня, когда опускается тьма, напоминающая ночь, мы присаживаемся на камни и смотрим на звезды. Вздыхаем и вспоминаем своих близких: им сейчас столько-то лет, у них дети, внуки» [16. С. 492]. Вновь придя в себя в собственном доме, профессор пытается рассказать живым об их умерших родственниках, однако встречает недоверие и непонимание. Сложным сплетениям семейных, бытовых и социальных проблем, по мнению автора, не суждено быть окончательно разрешенными ни при жизни персонажей, ни после их смерти.

В романе А. Старобинец маленький мальчик получает травму головы и на долгие годы погружается в беспомощность. Мать вынуждена поместить его в интернат для детей-инвалидов. Но ребенок не теряет способности к восприятию окружающего. Просто мир для него из Яви превращается в Навь, где обитают сказочные персонажи: Кощей, Леший, Баба Яга, Злая Колдунья. Все они имеют «земные» аналоги среди обслуживающего персонала интерната. Придуманная А. Старобинец история интересна именно совмещением миров живых и мертвых, когда на привычную реальность словно накладываются призрачные контуры инобытия.

В случае «временной смерти» персонаж нередко оказывается не в «подлинном» Мире Посмертия, но в особом локусе, который мы именуем *Зона Перехода*. Это «промежуточное» пространство, из которого, как правило, возможно дальнейшее движение как вперед, в «окончательную смерть», так и назад, обратно в земную жизнь. Выбор направления, как правило, зависит от самого персонажа. Проблему подобного выбора поднимает, например, англичанин Г. Джойс в романе «Безмолвная земля» (Graham Joyce *The Silent Land*, 2010). Супружеская пара, катаясь на горных лыжах, попадает под лавину – и, как мыслится героям, счастливо спасается благодаря взаимной вырубке. Однако мир вокруг супругов меняется: отель и горная деревня пустеют, отказывает связь, останавливается время (не идут часы, не сгорают свечи, не портятся вынутые из холодильника продукты). Постепенно персонажи приходят к мысли, что они мертвы, но получили своеобразную «отсрочку». Невольную задержку на смертном пути герои воспринимают по-разному. Мужчина с интересом изучает изменившийся мир и все глубже погружается в новое бытие. Вскоре за ним приезжает запряженный в сани черный конь – и вместе с ним герой уезжает из горной долины в «подлинное» посмертие. Женщина же противится умиранию, ибо ждет ребенка, и тот в конце концов возвращает ее к жизни. Героиня приходит в себя на больничной койке и узнает, что после долгих поисков ее все-таки извлекли из снежной ловушки, а тело ее супруга найти так и не удалось.

Пребывание в Зоне Перехода герои Г. Джойса расценивают как «второй шанс», данную им Богом или судьбой возможность еще немного побыть вместе и засвидетельствовать друг другу свою любовь. Не менее отчетливо тема «второго шанса» звучит и в романе Ю. Вознесенской «Мои посмертные приключения» (2000). В нем изложена христианская концепция посмертия, и, умерев в результате нелепого несчастного случая, героиня проходит, в соответствии с православным вероисповеданием, воздушные мытарства, а затем получает возможность увидеть рай и ад, пообщаться с покойными родными, заново узнать, понять и простить своего неверного мужа. А после духовного очищения она с изумлением узнает, что ей разрешено вернуться на землю, где все это время ее лишенное сознания тело провело в больничной палате. «Второй шанс» дан героине затем, чтобы она полностью изменила собственную жизнь на основе того опыта, который получила в посмертии. Ангел-Хранитель говорит ей: «Твой Дед (священник-мученик. – Е.К.) умолил Господа дать тебе возможность вернуться и дожить до естественной кончины. Он просил передать тебе, что это должна быть другая жизнь. Ты теперь знаешь, какая» [17].

Еще один вариант попадания в загробный мир живых персонажей демонстрирует сюжетно-композиционная схема, которую мы обозначили как «путь Орфея». Речь идет о попытке вернуть из загробного царства любимого человека. Подобная история рассказана, например, М. Галиной в романе «Малая Глуша» (2009). Потерявший в автокатастрофе любимую жену, герой отказывается смириться с ее уходом. Случай сводит его с человеком, знающим, как можно вернуть умершего. Следуя полученным указаниям, герой уезжает из столицы в глухую провинцию, где находит обозначенную в заглавии книги деревню. Через нее протекает пограничная Река, разделяющая миры живых и мертвых. Пройдя положенные испытания, герой получает возможность переправиться на другой берег и действительно разыскать свою жену, чтобы попытаться уговорить ее вернуться.

Интересно, что отправиться в Мир Посмертия на поиски определенной души способен не только родственник, возлюбленный или друг. В некоторых случаях это делают специально обученные «профессионалы». Подобный сюжет присутствует, например, в рассказе россиянки О. Рэйн «Солнце мое, взгляни на меня» (2017). Его героиня с рождения наделена особым даром – способностью попадать в «летум», загробный мир, который является одновременно общим для всех умерших и личным для каждого из них. В летуме героиня разыскивает погибшую девушку по имени Яна, чтобы узнать обстоятельства ее смерти, опознать и наказать ее убийцу. А в финале рассказа она помогает Яне вновь вернуться к жизни. Правда, уже в ином теле – рожденной ею дочери. Вновь оказавшись в мире живых, Яна уже не помнит прошлое. Или все же что-то помнит? Ведь рассказ заканчивается словами героини: «Иногда она подолгу смотрит на меня... Как будто она вот-вот о чем-то спросит» [18].

И все же концепция *конечного посмертия* не сводится лишь к временному пребыванию живых (или еще «не вполне мертвых») персонажей в Зоне

Перехода или в «подлинном» загробном мире. В достаточно большом количестве текстов посмертие интерпретируется как *пауза между жизнями*, т.е. между различными (иногда – многими) воплощениями души в разных (не всегда обязательно человеческих) телах.

Идея реинкарнации может трактоваться разнообразно. Например, подразумевает бесконечное повторение одной и той же судьбы. Подобную ситуацию мы встречаем в рассказе С. Кинга «Загробная жизнь» (Stephen King *Afterlife*, 2013). Умерший персонаж оказывается в загробном офисе, где разговаривает со скучающим потусторонним «менеджером». Последний объясняет, что из его кабинета есть лишь два выхода. Пройдя в первую дверь, герой перейдет в состояние «окончательной смерти», т.е. попросту исчезнет навсегда. Выйдя в другую, он вернется в момент собственного рождения и проживет свою жизнь заново. Герой в восторге, ибо, помимо самого факта «воскрешения», видит при этом выборе возможность исправить ряд неблагоприятных поступков, отягчающих его биографию. Однако загробный клерк непреклонен: в новой жизни не будет никаких перемен. Персонаж забудет посмертный опыт и совершит те же самые прегрешения. Мало того, он уверяет, что и сама беседа, и выбор, который предстоит сделать персонажу, повторяются уже несчетное количество раз. Но даже узнав об этом, герой поступает так же, как всегда. После мучительных колебаний он вновь возвращается к собственной многократно прожитой и каждый раз переживаемой заново судьбе.

В других случаях цепочка реинкарнаций не подразумевает точных совпадений. Однако и здесь возможны две разные трактовки смысла повторных рождений. Первая не связывает их с внутренней эволюцией личности. Персонажи вновь и вновь перерождаются, чтобы более или менее благополучно прожить еще одну жизнь. Если при этом в посмертии они сохраняют память, то, как правило, хлопочут лишь о том, чтобы их последующее воплощение было лучше (или, по крайней мере, не хуже) предыдущего. Так обстоит дело, например, в романе В. Пелевина «Бэтман Аполло» (2013) и в пьесе Г.Л. Олди¹ «Вторые руки» (2002).

В первом тексте посмертие рассматривается как «перемотка анимогаммы», своеобразный пересмотр специально подготовленным персонажем (вампиrom класса Undead) воспоминаний умершего. Для самого вампира это выглядит как путешествие вместе с клиентом по вымышленной последней вселенной, причудливо сочетающей элементы реальности с фантазиями и страхами покойного. Задача «перемотки» – найти в анимогамме устойчивый «центр», место, с которым у клиента ассоциируются безопасность и покой. Здесь умерший может неопределенно долго ждать нового рождения, а за уплаченную крупную сумму денег еще и обеспечить себе в нем высокий социальный статус. В пьесе же Г.Л. Олди реинкарнация метафорически трактуется как переодевание в чужое платье. Мир Посмертия

¹ Псевдоним русскоязычных украинских фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладженского.

здесь представляет собой огромный склад поношенных костюмов. Надевая любой из них, умерший в новой жизни обретает связанную с данной одеждой судьбу. Главной заботой персонажей пьесы, как легко догадаться, становится поиск как можно более дорогой, respectable и «удобной» во всех отношениях одежды.

Вторая трактовка темы реинкарнации связывает повторное рождение с возможностью исправления совершенных в прошлых жизнях ошибок и постепенным «повышением статуса» (на сей раз под статусом понимается духовная зрелость персонажа). Так, в романе Б. Вербера «Империя ангелов» (Bernard Werber *L'Empire Des Anges*, 2000) материя вселенной проходит семь стадий развития – от камня до божества. Человек занимает в этой иерархии четвертую и пятую ступени. После кончины на Страшном суде герой романа набирает нужное количество «пунктов» (дающихся за хорошие поступки) и повышает свой статус до шестой, ангельской, степени. Это позволяет ему больше не возвращаться в материальный мир. В рамках концепции Б. Вербера «те, кто провалился на суде, приговариваются к возвращению на Землю... Реинкарнация – это как выпускные экзамены в лицее. Если не сдал, нужно пересдавать... Возврат на исходные позиции, и новая сессия» [19].

Концепция реинкарнации (или цепочки реинкарнаций) являет собой оптимистическую версию конечного посмертия. Однако существует и версия пессимистическая. Согласно ей после кончины каждого рано или поздно ожидает *смерть вторая*, знаменующая собой окончательный и бесповоротный конец. Как правило, он связан с постепенным распадом личности умершего. Вначале забываются события земной жизни, затем утрачивается интерес к происходящему вокруг. Последним гаснет ощущение собственного «я». Данные процессы изображены в романах немецкого писателя Г. Казака «Город за рекой» (Hermann Kasack *Die Stadt hinter dem Strom*, 1947), английского фантаста А. Невилла «Номер 16» (Adam L. G. Nevill *Apartment 16*, 2010) и у россиян С. Логинова (роман «Свет в окошке», 2002) и Л. Петрушевской (рассказ «Два царства», 1993).

У Г. Казака тема окончательного исчезновения раскрыта как возвращение умершего к истокам бытия, первичному бесформию, которое является основой вечного круговорота жизни и смерти. Умершие в его романе вначале оказываются в «промежуточном» пространстве – полуразрушенном городе, где проводят время в специальных «упражнениях», несущих остаточные признаки их земных дел (перекладывание с места на место несуществующих вещей, бесконечное жадное поглощение пищи и т.п.). Здесь можно завершить незаконченное при жизни (так вспыхивает вновь любовь главных героев), осмыслить прошлое и внести свой вклад в духовную сокровищницу человечества (герой в качестве местного архивариуса следит за помещением на хранение книг, дневниковых записей и иных плодов прижизненной творческой деятельности горожан). Однако рано или поздно всех жителей города постигает одинаковая участь. Их ждет трудный путь по «тропе демонов», на которой они постепенно утрачивают облик и индивидуальность. «Они двигались голые... пустые внутри и без лиц. Они ступали след в след,

не ощущая близости и присутствия впереди идущего... В скалистых холмах... зияли черные дыры пещер, как огромные разинутые пасти... Вереница духов... извиваясь, окончательно терялась в пещерах» [20].

В романе А. Невилла герой, художник-абстракционист, открывает для себя существование метафизического Вихря, в котором происходит распад физической оболочки и личности умерших. Наделенные особыми способностями люди, подобные ему самому, могут видеть Вихрь еще при жизни и даже отчасти управлять им, направляя его на своих врагов. Последним приметы распада и тлена, как и призрачные монстры, начинают являться среди белого дня прямо на улицах Лондона. В романе С. Логинова существование умерших в особом пространстве, состоящем из «невещества» – *нихилья*, длится лишь до тех пор, пока о них помнят живые. Как только память угасает, умерший превращается в бесплотный и беспамятный призрак, а затем в вовсе рассыпается в прах, возвращаясь в тот самый исходный *нихиль*.

Наконец, в рассказе Л. Петрушевской героиня воспринимает смерть как эмиграцию за рубеж, на некий условный Запад, где она вначале пребывает словно бы «в карантине», лишь издали наблюдая непривычный ей местный быт. Больше всего героиню заботит мысль о переезде к ней матери и сына. Однако постепенно женщина забывает о них и бездумно присоединяется к другим умершим. «Наконец наступил тот момент, когда она... помчалась на берег реки к хороводу и, разомкнув чужие руки, влилась в общую вереницу и полетела по кругу... С надеждой не встретить здесь больше никого, в этом царстве мертвых, и никогда не узнать, как тоскуют там, в царстве живых» [21].

Оригинальной реализацией концепции «второй смерти» (и возможных последующих смертей) является фантастический мир, созданный шведской писательницей А. Линдгрэн в повести «Братья Львиное сердце» (Astrid Lindgren *Bröderna Lejonhjärta*, 1973). Старший брат, подросток Юнатан, рассказывает младшему, тяжело больному Карлу, что после смерти они продолжают существовать в сказочной стране Нангияле. Действительно, за гробом обоих ждут веселые и грустные приключения в двух ее долинах – Вишневой и Шиповниковой. Когда же и в Нангияле жизнь Юнатана оказывается под угрозой, он говорит Карлу, что впереди его ждет еще более прекрасная страна под названием Нангилима. А в трилогии россиянина С. Кузнецова «Живые и взрослые» (2011) для перемещения между Мирами Посмертия умирать повторно даже нет необходимости. Эти миры у С. Кузнецова представляют собой фрактал – цепь изоморфных пространств, разделенных «буферными зонами», через которые герои относительно легко проникают из одного загробного царства в другое.

Конечность посмертного бытия, однако, может означать не только ограниченность времени «жизни после жизни» для отдельной души, но и конечный срок существования, отведенный Миру Посмертия в целом. Прекращение существования того света объясняется авторами по-разному. Так, в романе американца К. Брокмейера «Краткая история смерти» (Kevin

Brockmeier *The Brief History of the Dead*, 2006), фантастическая посылка которого близка роману С. Логинова, умершие продолжают существовать в огромном интернациональном мегаполисе, пока жив хотя бы один человек, который может о них помнить. Но в мире живых свирепствует пандемия – и живущих остается все меньше. Соответственно, с катастрофической скоростью пустеет и город мертвецов. А в цикле фантастических романов о мире под названием Земноморье У. Ле Гуин (*Ursula K. Le Guin Earthsea*, 1964–2001) исчезновение Страны мертвых связано с исправлением давней ошибки – заключения несправедливого договора между людьми и драконами. Договор нарушил равновесие жизни и смерти и привел к появлению особого пространства, в котором никогда не светит солнце и беспамятные мертвецы, не узнавая друг друга, молча бродят по бесплодным равнинам. Наконец, в знаменитой эпопее Д. Толкиена, открывающейся книгой «Сильмариллион» (*John Tolkien The Silmarillion*, 1977), существование «покоев Мандоса», где пребывают уставшие от жизни в Средиземье эльфы, длится, как и все в вымышленной автором вселенной (Арде), лишь до тех пор, пока не будет исполнен изначальный замысел демиурга Илуватара.

«Смерть навсегда» и посмертная вечность

Вторая основная трактовка посмертия представляет его как вечно длящуюся данность. Однако это не означает, с одной стороны, отказа от локального течения времени в самом Мире Посмертия, где, как и на земле, могут чередоваться ночи и дни, месяцы и годы. С другой стороны, вечность в изображении фантастов может быть очень разной, подразумевающей как *неизменность состояния индивида и человеческого сообщества*, так и их *направленную эволюцию*.

Неизменная вечность, в свою очередь, может представать в широком спектре трактовок – от полного прекращения бытия до бесконечного и бессмысленного повторения одних и тех же навязчивых эпизодов, своего рода «закольцованного безвременья». Первый вариант можно увидеть в романе А. Борисовой¹ «Там...» (2008), изображающем индивидуальные посмертия людей, ставших жертвами террористического акта. В числе погибших оказываются и сами организаторы теракта, один из которых отказывается поверить в какую бы то ни было «жизнь после жизни». И единственный из всех, в соответствии с собственными воззрениями, он получает за гробом желанное Черное Ничто.

Второй вариант представлен в рассказе классика американской фантастики С. Кинга «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» (*Stephen King That Feeling, You Can Only Say What It Is in French*, 1998). Герои рассказа, супруги, намеревающиеся отпраздновать юбилей собственной свадьбы во Флориде, по пути туда гибнут в авиакатастрофе.

¹ Один из псевдонимов Григория Чхартишвили, более известного российскому читателю под литературным именем Борис Акунин.

Посмертие для них выглядит как бесконечные попытки добраться на арендованном лимузине до заранее выбранного курортного отеля. По пути они видят одни и те же пейзажи, повторяющиеся с незначительными вариациями и создающие ощущение «дежа вю». В конце каждого путешествия их неизменно ждет превращение в прах – после чего они вновь оказываются на борту самолета за миг до катастрофы.

Немалое количество произведений о посмертии все еще отражает более или менее традиционное его понимание как, пусть и наполненного событиями, но все же неизменного состояния из разряда «вечные муки или блаженство». Нередко об этом говорят сами названия художественных текстов: «Ад – это вечность» А. Бестера (Alfred Bester *Hell Is Forever*, 1942), «Вперед – вечность» (2000) А. Бачило, «Time Out» (2001) В. Пелевина. Как правило, в подобных текстах судьба героев однозначно определяется в самом начале повествования и зависит от прегрешений, совершенных ими при жизни. В своем загробном бытии персонажи могут творить новые миры (у А. Бестера), воплощать давние мечты (у А. Бачило) или же влачить привычное существование «от зарплаты до зарплаты» (у В. Пелевина). Это не меняет сути дела: в посмертии герои остаются такими же, как при жизни, не меняясь психологически и духовно. Не подразумевает перемен и «вечный покой», что бы под ним ни понимал тот или иной писатель – прогулки по кладбищу не могут удалить от собственной могилы призрака, как в романе П. Бигля «Тихий уголок» (Peter Beagle *A Fine and Private Place*, 1960), или творческие будни гения (М. Булгаков «Мастер и Маргарита», 1940).

Гораздо более импульсивной для читательского восприятия представляется нам трактовка посмертия как пространства *направленного развития*. В свою очередь, оно также может пониматься по-разному. Своеобразный «социальный прогресс» в царстве мертвых изображен в романе американца Д. Брома «Потерянные боги» (Gerald Brom *Lost Gods*, 2016). Чистилище, куда после смерти попадает герой по имени Чет, оказывается обширной территорией, по которой протекают реки Стикс и Лета. В нем соседствуют разные локусы: прекрасный Элизиум, оживленный город Стига, равнины и горные ущелья, селенья, где обитают почитатели древних богов. Вдали мерцают огненные сполохи ада, а в Чистилище происходит смена исторических эпох. Нравы периода Средневековья уступают место идеологии Нового времени, переносимой на тот свет умершими из промышленно развитой Европы и США. В моду входят идеи прогресса, предпринимательства, личной свободы. Под их прикрытием демоны преисподней пытаются устроить собственные дела – свести счеты с языческими божествами, перехватив у последних верховную власть. Помимо своей воли Чет быстро оказывается вовлеченным в гущу местных битв и вскоре уже активно вмешивается в судьбы подземного мира.

Некоторые фантасты допускают возможность *физического роста и взросления* умерших на том свете. В повести В. Крапивина «Полосатый жираф Алик» (1999) и его же романе «Прохождение Венеры по диску солнца»

(2005) герои-подростки взрослеют и нравственно закаляются под воздействием выпавших на их долю посмертных приключений и испытаний. А в упомянутой выше книге С. Логинова в посмертии вырастает и получает образование Анюта, новая знакомая героя, – девушка, на земле успевшая прожить лишь несколько минут после своего рождения.

Однако наиболее богатой смыслами представляется трактовка посмертия как продолжения *внутреннего (духовного) роста индивида*. Ярко и поэтично эта трактовка воплощена американцем Р. Матесоном в романе «Куда приводят мечты» (Richard Matheson *What Dreams May Come*, 1978) и англичанином К.С. Льюисом в повести-притче «Расторжение брака» (Clive Staples Lewis *The Great Divorce*, 1945). Герой первого произведения после смерти оказывается в Стране вечного лета – замечательном краю, условия пребывания в котором во многом зависят от самого умершего. Здесь можно встретить дорогих сердцу людей (наставником и опекуном героя становится его кузен Альберт) и любимых питомцев (с героем снова, как когда-то, его собака Кэти). Можно построить дом, познакомиться с «оригиналами» картин, симфоний и книг, слабыми подобиями которых являются признанные земные шедевры. Но интерьер дома, одежды, в которые облекается умерший, и его доступ к достижениям культуры в конечном итоге обусловлены уровнем духовного развития. Стоящие на низших его ступенях и вовсе не попадают в чудесную Страну, влача унылое существование в «низших мирах», по своему облику напоминающих ад.

После пребывания в МП, по Р. Матесону, умершие рождаются вновь, проходя на Земле очередной жизненный «урок», который затем осмысливается ими в следующем посмертии. Чередование периодов материального (земного) и духовного (потустороннего) существования длится до тех пор, пока личность не совершенствуется настолько, что выпадает из цепи перерождений. «Одна жизнь вслед за другой, каждая полная усилий... постепенно формирует душу до ее желаемого состояния. Иногда то, чего не удалось достигнуть при жизни, может быть достигнуто после смерти, так что при следующем рождении познание становится более глубоким... Некоторые души настолько развиты, что не перевоплощаются, а переходят на уровень существования, превышающий все то, что предлагает Земля, и достигают в конечном счете воссоединения с Богом» [22].

Мотив приближения к Богу как высшей цели посмертного существования звучит и у К.С. Льюиса. Его герой в провидческом сновидении сначала бродит по улицам мрачного адского города, а затем получает возможность совершить своеобразную экскурсию в рай – точнее, в преддверие рая, куда только и могут иметь доступ недостаточно просветленные души. Здесь, в прекрасных предгорьях, на равнине у берегов величественной реки герой слышит беседы прибывших вместе с ним обитателей ада с теми, кто вышел им навстречу из райских пределов. Встречающие уверяют пришедших, что каждый из тех может изменить свою участь и остаться – вначале на подступах к раю, а затем и в самом раю. Для этого необходимо лишь нравственное усилие, отказ от эгоизма, прижизненных пороков и заблуждений. Но очень

немногим оказывается по силам подобный духовный подвиг. Умершие держатся за земные заслуги и, прикрываясь ханжеской моралью, винят своих собеседников в том, что те посягают на их личную свободу. И лишь некоторые отчаянным напряжением воли заставляют себя сделать первые шаги от берега реки к сияющим вдали снежным вершинам. Эта «дорога в горы» и есть, по К.С. Льюису, бесконечный духовный путь – самое притягательное, что дарует человечеству посмертие. Увы, на этом пути не способно сопровождать героев даже богатое воображение писателей-фантастов.

Наш, по необходимости краткий, обзор основных версий посмертной трансформации личности в изображении фантастики сверхъестественного (фэнтези) и родственных ей жанров все же, надеемся, позволил подтвердить, сколь многие важные для человечества смыслы вкладывают писатели в повествование о посмертии. Существование личности в лучших его образцах продлевается в вечность, исполненную внутреннего смысла. Потустороннее бытие оказывается неотъемлемой частью единого пути становления «подлинно человеческого» в человеке. А земная жизнь, увиденная из перспективы смерти, обретает новую ценность и краски. Все это делает тему посмертного бытия одной из самых серьезных и глубоких в числе доступных не только фантастике, но и художественной литературе в целом.

Список источников

1. Павлова О.А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2004. 471 с.
2. Покотыло М.В. Жанр антиутопии: современная проблемная парадигма // *European Social Science Journal*. 2012. № 7 (23). С. 167–173.
3. Сулов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2013. № 7 (108). С. 34–41.
4. *Fitting P. A Short History of Utopian Studies // Science Fiction Studies*. 2009. Vol. 36, № 1. P. 121–131.
5. Ковтун Е.Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели // *Проблемы исторической поэтики*. Вып. 4: Поэтика фантастического. Петрозаводск, 2016. С. 118–135.
6. Ковтун Е.Н. Полемика о Мире Полудня: А. и Б. Стругацкие vs М. и С. Дяченко // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 92–107.
7. Kowtun E. Wyjść ze skóry: fantaści w poszukiwaniu idealnego człowieka // *Ciało w futurofantastyce słowiańskiej*. Kraków : Collegium Columbinum, 2012. S. 223–253.
8. Кошемчук Т.А. Обитель на небесах: тема посмертия в русской классической поэзии // *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. 2007. № 2. С. 42–53.
9. Худенко Е.А., Глазинская Е.Т. Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» // *Научный диалог*. 2021. № 3. С. 291–307.
10. Москвин А.А. Образ загробного мира в современной фантастике как отражение массового восприятия смерти // *Культурология и искусствоведение : материалы IV Междунар. науч. конф., Казань, июнь 2018 г. Казань, 2018. С. 2–6.*
11. *Bennet A. Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. London : Palgrave Macmillan, 2012. 228 p.

12. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высшая школа, 2008. 406 с.
13. Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru>
14. Ковтун Е.Н. «Интертекст Мира Посмертия» в фантастике XX–XXI вв.: функциональность художественной модели // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 4. С. 34–53.
15. Марк Твен. Путешествие капитана Стормфилда в рай / пер. В. Лимановской. URL: https://bookscafe.net/book/tven_mark-puteshestvie_kapitana_stormfilda_v_ray-64741.html
16. Ковачевич Д. Сборный пункт // В каждом городе – свое время года: Избранные переводы Натальи Вагаповой. М., 2019. С. 459–528.
17. Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения URL: <https://azbyka.ru/fiction/moi-posmertnye-priklucheniya>
18. Рэйн О. Солнце мое, взгляни на меня. URL: http://samlib.ru/r/rejn_o/01solnze.shtm
19. Вербер Б. Империя ангелов / пер. А. Агафонова URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/16547-bernard-verber-imperiya-angelov.html#text>
20. Казак Г. Город за рекой / пер. Т. Холодовой, А. Гутнина URL: <https://libdrama.narod.ru/kasack/kasack.htm>
21. Петрушевская Л. Два царства. URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/8/j15.html
22. Матесон Р. Куда приводят мечты / пер. И. Иванченко URL: https://www.100best-books.ru/files/Matheson_Kuda_privodyat_mechty.pdf

References

1. Pavlova, O.A. (2004) *Metamorfozy literaturnoy utopii: teoreticheskiy aspekt* [Metamorphoses of Literary Utopia: Theoretical aspect]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
2. Pokotylo, M.V. (2012) Zhanr antiutopii: sovremennaya problemnaya paradigma [The Genre of Dystopia: A modern problematic paradigm]. *European Social Science Journal*. 7 (23). pp. 167–173.
3. Suslov, M.D. (2013) Utopiya kak predmet sovremennykh issledovaniy na Zapade i v Rossii [Utopia as a subject of modern research in the West and in Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 7 (108). pp. 34–41.
4. Fitting, P. (2009) A short history of Utopian studies. *Science Fiction Studies*. 1 (36). pp. 121–131.
5. Kovtun, E.N. (2016) Mir budushchego v sovremennoy nauchnoy fantastike: spetsifika khudozhestvennoy modeli [The world of the future in contemporary science fiction: specifics of the artistic model]. In: Zakharov, V.N. (ed.) *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Vol. 4. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 118–135.
6. Kovtun, E.N. (2023) Polemika o Mire Poludnya: A. i B. Strugatskie vs M. i S. Dyachenko [Polemics on the World of Noon: A. and B. Strugatsky vs. M. and S. Dyachenko]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 4 (25). pp. 92–107.
7. Kowtun, E. (2013) Wyjść ze skóry: fantaści w poszukiwaniu idealnego człowieka. In: Ajdačić, D. (ed.) *Cialo w futurofantastyce słowiańskiej*. Kraków: Collegium Columbinum. pp. 223–253.
8. Koshemchuk, T.A. (2007) Obitel' na nebesakh: tema posmertiya v russkoy klassicheskoy poezii [Abode in Heaven: The theme of the afterlife in Russian classical poetry]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*. 2. pp. 42–53.
9. Khudenko, E.A. & Glazinskaya, E.T. (2021) Potustoronnee prostranstvo v romane Lyudmily Ulitskoy "Kazus Kukotskogo" [The otherworldly space in Lyudmila Ulitskaya's novel "The Kukotsky Enigma"]. *Nauchnyy dialog*. 3. pp. 291–307.
10. Moskvina, A.A. (2018) [The Image of the afterlife in modern science fiction as a reflection of the mass perception of death]. *Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Cultural Studies

and Art Criticism]. Proceedings of the 4th International Conference. Kazan. June 2018. Kazan: Molodoy uchenyy. pp. 2–6 (In Russian).

11. Bennet, A. (2012) *Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. London: Palgrave Macmillan.

12. Kovtun, E.N. (2008) *Khudozhestvennyy vymysel v literature XX veka* [Fiction in the Literature of the 20th Century]. Moscow: Vysshaya shkola.

13. *Laboratoriya fantastiki* [Laboratory of Science Fiction and Fantasy] (n.d.) [Online] Available from: <https://fantlab.ru>.

14. Kovtun, E.N. (2022) "Intertekst Mira Posmertiya" v fantastike XX–XXI vv.: funktsional'nost' khudozhestvennoy modeli ["Intertext of the Afterlife" in 20th–21st century science fiction: functionality of the fiction model]. *Studia Litterarum*. 4 (7). pp. 34–53.

15. Twain, M. (1953) *Puteshestvie kapitana Stormfilda v ray* [Captain Stormfield's Visit to Heaven]. Translated by V. Limanovskaya. [Online] Available from: https://booksafe.net/book/tven_mark-puteshestvie_kapitana_stormfilda_v_ray-64741.html

16. Kovachevich, D. (2019) Sbornyy punkt [Assembly point]. In: Sagalovich, E.V. (ed.) *V kazhdom gorode – svoe vremya goda. Izbrannye perevody Natal'i Vagapovoy* [Each City has Its Own Season. Selected translations of Natalia Vagapova]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino. pp. 459–528.

17. Voznesenskaya, Yu (2024) *Moi posmertnye priklyucheniya* [My Posthumous Adventures]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/fiction/moi-posmertnye-priklyucheniya>

18. Reyn, O. (2017) *Solntse moe, vzglyani na menya* [My Sun, Look at Me]. [Online] Available from: http://samlib.ru/t/rejn_o/01solnze.shtml

19. Werber, B. (2000) *Imperiya angelov* [The Empire of the Angels]. Translated from French by A. Agafonov. [Online] Available from: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/16547-bernard-verber-imperiya-angelov.html#text>

20. Kasack, H. (1947) *Gorod za rekoy* [The City beyond the River]. Translated from German by T. Kholodova & A. Gugnin. [Online] Available from: <https://lib-drama.narod.ru/kasack/kasack.htm>

21. Petrushevskaya, L. (n.d.) *Dva tsarstva* [Two Tsardoms]. [Online] Available from: http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petrushevskaya/8/j15.html

22. Matheson, R. (2016) *Kuda privodyat mechty* [What Dreams May Come]. Translated from English by I. Ivanchenko. [Online] Available from: https://www.100bestbooks.ru/files/Matheson_Kuda_privodyat_mechty.pdf

Информация об авторе:

Ковтун Е.Н. – д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН (Москва, Россия). E-mail: kovelen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Kovtun, Dr. Sci. (Philology), full professor, leading research fellow, head of the Department of the History of Slavic Literatures, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kovelen@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2024;
одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 20.06.2024;
approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 18.11.2024.*